

Литература

УДК 82-31

Т.В. Меньшиков

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ И МЫСЛИТЕЛЕЙ*

Аннотация: Статья посвящена одному из актуальных аспектов современного изучения русской классической литературы. Национальная духовность, ставшая основой мировоззрения лучших умов России, получила своё выражение в произведениях Чаадаева, Хомякова, Достоевского, Толстого, Соловьёва, Фёдорова, Ильина и многих других выдающихся деятелей русской культуры. «Наша задача состоит в том, чтобы сохранить и воплотить накопленный духовный опыт», – такова цель автора данной статьи.

Ключевые слова: русская идея, духовность, национальное самосознание.

«Русская идея» как философское понятие впервые получила своё толкование в работах крупнейших отечественных мыслителей второй половины XIX века. Данному культурно-историческому факту предшествовал длительный период развития русского национального самосознания.

«Возраст русской идеи есть возраст самой России», – считал И.А. Ильин [1]. На более конкретную дату зарождения национальной идеи указал Ю.А. Вьюнов: «Развитие русской идеи определялось ростом национального самосознания, которое, в свою очередь, прошло целый ряд этапов, связанных с крупными историческими событиями. Прежде всего такими, как принятие христианства (988)...» [2]. Не отрицая большого значения христианизации Древней Руси для формирования отечественных философских традиций, нельзя не учитывать важности дохристианского периода русской истории. Исходя из положения о том, что русская идея – это «сложнейший комплекс духовно-нравственных и религиозно-философских ценностей» [3], при анализе этой идеи необходимо иметь в виду не только православные истоки национального сознания, но и дохристианские представления наших предков. Кроме того, христианство на Руси не вытеснило язычество, а тесно с ним переплелось, о чем, например, свидетельствует русская духовная поэзия XI – XIX веков [4].

Пожалуй, самым глубоким следом языческих представлений в отечественной культуре можно назвать восприятие природы как одухотворенного мира, неразрывно связанного с человеческим бытием и сознанием. Плач Ярославны в «Слове о полку Игореве» – один из ярких тому примеров. Как заметил А.Ф. Замалеев, «целостность и единство природного бытия выступает в «Слове» предпосылкой целостности и единства бытия общественного...» [5].

С приходом на Русь христианства множественность духов природы была обобщена единым Святым Духом. В «Стихе о 12 пятницах» говорится, что в

* © Меньшиков Т.В.

день Троицы

Пушал Господь Святой Дух по всей земле...

Воплотив Свят Дух во сырую землю,

Во всю поселенную... [6].

В последнем стихе заметна древняя тяга русского человека к вселенскому единению. Недаром слово «собор» происходит от глагола «собирать». После принятия христианства вера в единого Бога «собирала» все разрозненные языческие представления о мире наших предков и создавала единую национальную духовную культуру.

На формирование соборного духа русского народа повлияли как мировоззренческие, так и политические предпосылки. Чтобы выжить между двух враждебных сторон, между Востоком и Западом, Древней Руси нужно было защищать свои интересы единым миром. Определённая общественно-историческая необходимость получила своё художественно-философское выражение и в «Слове о полку Игореве», и в «Поучении Владимира Мономаха». В «Поучении» сына Всеволода I и дочери византийского императора Константина основным ядром являются православные принципы, а именно:

– совестливость и милосердие («страх имейте божий в сердце своём и милыстыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра» [7]);

– отрицание насилия («ни правого, ни виноватого не убивайте и не повелевайте убить его»);

– покаяние и примирение («все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьёю, не покаившись и не помирившись между собою»).

Принципы византийского православия, унаследованные от матери, Владимир Мономах благотворно прививал на русской почве, поскольку Древняя Русь остро нуждалась в них и была готова к их восприятию («Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле» [8]).

Необычайно глубокое и плодотворное восприятие русской душой и русской мыслью христианских принципов дало основание к появлению идеи о «богоизбранности» русской нации. Эта идея получила своё выражение в XVI веке в знаменитой формуле «Москва – третий Рим», высказанной игуменом псковского Елеазарова монастыря Филофеем в его послании великому князю московскому Василию III [9].

В XVII – XVIII веках в среде старообрядчества литературное выражение получила легенда о Китеж-граде как богохранимом граде истины, над которым простер свои невидимые длани в знак духовного покровительства сам Господь [10].

Осознание своей «богоизбранности» в русском народе утверждалось по мере становления централизованного Русского государства. Свержение ига ордынских ханов (1480), объединение русских земель вокруг Москвы (XV в.), борьба за независимость в Смутное время (начало XVII в.), создание Российской империи при Петре I (первая четверть XVIII в.) – главные этапы обретения русским народом своего права занять особое место в кругу ведущих держав мира. Проходя через тяжелейшие испытания, русский народ укреплял свою жизнестойкость, развивал свои лучшие национальные качества и видел в этом «божественный промысел».

XVIII век, ставший заключительным этапом утверждения нашей наци-

ональной независимости, был одновременно «веком ученичества», когда Россия быстрыми темпами преодолевала выстраданное своей ролью щита между Востоком и Западом отставание от передовых стран Европы. Однако активное освоение достижений западной культуры не вытеснило самобытности русской духовности, а, наоборот, утвердила уверенность в том, что «может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать».

«Век ученичества» способствовал появлению в России людей с блестящим образованием, глубоким знанием мировой истории и культуры, наделенных выдающимся умом и талантом, готовых с философских позиций сформулировать ту мысль, которая объяснила бы «высокие предназначения» русского народа.

Одним из первых, кто заговорил о «святой идее» национального самознания в XIX веке, был П.Я. Чаадаев. В 1829 году в своём первом «философическом» письме Чаадаев определил место и роль русской нации в остальном мире так: «Мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку /.../ мы, можно сказать, некоторым образом – народ исключительный. Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок» [11]. Подчёркивая исключительность России, автор «Философических писем» отмечал её особую роль в движении всех народов к «установлению совершенного строя на земле». Роль эта – «важный урок», который заключается в «наставлении», в «преподнесении» великой, «святой идеи». Суть этой идеи наиболее чётко сформулирована в восьмом «философическом» письме: «Дух самоотвержения; отвращение от разделения; страстное стремление к единству: вот что сохраняет христиан чистыми при любых обстоятельствах» [12]. «Самоотвержение» и «стремление к единству», по мнению Чаадаева, являются отличительными чертами русского национального характера. Под «самоотвержением» Чаадаев понимал «неизменную любовь к ближнему», которая приведёт людей к общему счастью: «Не ищите благ для самих себя, /.../ ищите для других; /.../ счастье частное не заключено ли в счастье общем?» [13] Осуществление единства всех людей автор «Философических писем» видел в «прямой передаче истины в непрерывном ряду её служителей», в слиянии «всех существующих на свете нравственных сил в одну мысль, в одно чувство», что повлечёт за собой установление такой социальной системы, которая «должна водворить царство истины среди людей» [14].

Определение исключительности русской нации, представление о ней как о носительнице великого начала, указывающего верный путь к духовному прогрессу человечества на основе самоотречения и единства – важные философские умозаключения одного из первых толкователей русской национальной идеи.

Большой вклад в осмысление русской идеи внесли славянофилы А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. Их считают провозвестниками национальной идеи [15]. Славянофилы первыми заявили о необходимости создания оригинальной отечественной философии, принципиально отличной от западной. В 1856, в год смерти своего друга и соратника, А.С. Хомяков писал: «Иван Васильевич Киреевский принадлежал к числу людей, принявших на себя подвиг освобождения нашей мысли от суеверного поклонения мысли других народов, передавших нам начала общечеловеческого знания и, может быть, более и яснее

всех уразумел он шаткость и слабость тех мыслительных основ, на которых стоит всё современное строение Европейского просвещения» [16]. Осуждая «торжество рационализма» и «индивидуальную изолированность» западного сознания, славянофилы противопоставляли им «живительный дух» и соборность русского Православия. Хомяков утверждал, что соборное единство есть «единство свободное и органическое, живое начало которого есть Божественная благодать взаимной любви» [17].

Пожалуй, одно из самых выдающихся воплощений эта философская концепция получила в творчестве Ф.М. Достоевского. Именно он впервые употребил термин «русская идея» в объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861 год: «Мы предугадываем, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях» [18]. В 1873 писатель конкретизировал суть русской идеи: «К числу таких скрытых в русском народе идей – идей русского народа – и принадлежит название преступления несчастием, преступников несчастными. Идея эта чисто русская» [19]. Сострадание даже по отношению к преступнику, разделение с ним его вины, ощущение ответственности за всё зло вокруг, вера в благодетельность и целительность соборности – вот, по мнению Достоевского, ценнейшие отличительные качества русского духа. «Их воскресила любовь» – идея знаменитого романа «Преступление и наказание» в уникальной художественно-философской форме выражает «русскую идею».

Важность в жизни каждого человека святой, «божеской» любви как неотъемлемой составляющей русского народного духа утверждал в своём творчестве Л.Н. Толстой. Знаменитые, «любимые» герои писателя сложными жизненными путями шли к открытию выстрадаанных и от этого ещё более ценных истин.

Константин Левин, герой романа «Анна Каренина», приходит к выводу: «Да одно очевидное несомненное проявление божества – это законы добра, которые явлены миру откровением, и которые я чувствую в себе, и в признании которых я не то что соединяюсь, а волею-неволею соединён с другими людьми в одно общество верующих, которое называют церковью» [20].

У Толстого движущей силой духовного единения людей являются законы добра, у Достоевского – страдание и сострадание, что не противоречит одно другому, а в совокупности подтверждает глубину русской идеи.

Идея соборной связи всех верующих в Церкви Христовой, ставшая центральным положением философских взглядов многих крупнейших русских мыслителей XIX века, легла в основу учения В.С. Соловьёва.

В лекции «Русская идея», прочитанной и опубликованной в Париже в 1888 году, Соловьёв рассматривал человечество как «великое собирательное существо или социальный организм, живые члены которого представляют различные нации» [21]. Отсюда выводится мысль о том, что истинная национальная идея заключается в «органической функции», возложенной на тот или иной народ Богом. Миссия России, по мнению Соловьёва, состоит в том, чтобы «всем сердцем и душой войти в общую жизнь христианского мира и положить все свои национальные силы на осуществление, в согласии с другими народами, того совершенного и вселенского единства человеческого рода, не-

преложное основание которого дано нам в Церкви Христовой» [22].

Признавая за Россией особые возможности для объединения всех христианских народов, Соловьёв указывал на необходимость сохранения соборного начала в мировой политике: «... нам не нужно действовать против других наций, но с ними и для них» [23]. «Нужно жить не для себя и не для других, а со всеми и для всех» – в такой форме выразил принцип всеединства другой выдающийся русский мыслитель Н.Ф. Фёдоров [24].

В своей главной книге «Философия общего дела» Фёдоров изложил конкретную программу объединения всего человечества путём воскрешения к жизни ушедших поколений. По мысли Фёдорова, человечество должно объединиться против смерти, найти средство оживить всех умерших и освоить космос, чтобы разместить там воскресших: «Вся вселенная будет объединением бесчисленных миров необъятного небесного пространства тьмами тех воскресших поколений, в бесчисленные века землёю поглощённых» [25]. В философское осмысление русской идеи Фёдоров внёс важный вклад – космическую соборность.

Кроме космизма, составной частью русской идеи стала эсхатология. В отличие от западной, русская эсхатология оптимистична. Хотя люди из-за своей разобщённости и безнравственной деятельности сами приближают свой конец, Апокалипсис не означает исчезновение человечества, а только способствует его духовному перерождению.

В начале XX века, сулившего грандиозные социальные потрясения, вслед за Фёдоровым считал грядущий «конец света» не гибелью, а перерождением Н.А. Бердяев. В годы Первой мировой войны в статье «Душа России» Бердяев писал: «Апокалиптическая настроенность глубоко отличает русскую мистику от мистики германской, которая... никогда не была устремлением к Божьему граду, к концу, к преображению мира».

Отталкиваясь от идей Соловьёва и Фёдорова, Бердяев по-новому раскрыл суть русского мессианства. Россия избрана в качестве жертвы, которая искупит мировое зло: «Лишь жертвенность большого и сильного, лишь свободное его уничтожение в этом мире спасает и искупляет» [26].

Первая мировая война и последующая за ней революция привели русскую философскую мысль к окончательному признанию мессианской, жертвенной роли России в развитии мировой цивилизации.

Все отечественные мыслители, которые формулировали русскую идею, отрицали западные образцы насильственного преобразования общественного устройства, и грядущая революция в России виделась им, прежде всего, как революция духа. Однако после октябрьского переворота во главе государства встала так называемая «интернациональная полуинтеллигенция», которой были чужды интересы и чаяния русского народа, и вместо духовного преображения революция принесла забвение вековых православных традиций и нравственную деградацию. В 1922 году «русская идея» вместе с её толкователями (Н.А. Бердяевым, Л.П. Карсавиным, И.А. Ильиным) была изгнана в эмиграцию.

За рубежом были пересмотрены некоторые положения русской национальной идеи. Например, был снят вопрос о мессианстве. В 1951 году в статье «О русской идее» Ильин писал: «Мы Западу не ученики и не учителя. Мы ученики Богу и учителя себе самим. Перед нами задача: творить русскую самобыт-

ную духовную культуру – из русского сердца, русским сознанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом – смысл русской идеи» [27]. Пересматривая смысл и содержание русской идеи на новом этапе истории русской нации, Ильин не отрекался от её главной составляющей – «божеской любви»: «...русская идея есть идея сердца. Она утверждает, что главное в жизни есть любовь и что именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви рождается вера и вся культура духа» [28].

Выделяя самые глубокие, природные качества русской души, Ильин особо отмечал её широту и открытость. В своей речи «О России» он говорил: «Россия одарила нас огромными природными богатствами – и внешними и внутренними; они неисчерпаемы. /.../ Мы родимся в этой уверенности, мы дышим ею, мы так и живем с этим чувством, что «и нас-то много, и у нас всего много», что «на всех хватит, да еще и останется» /.../ От этого чувства в нас развита некая душевная доброта, некое органическое ласковое добродушие, спокойствие, открытость души, общительность. /.../ Отречься от этого дара – значило бы отречься и от неё (от России. – Т. М.), и от себя» [29].

По мнению одного из современных философов, сегодня «мудрость уже высказана, наша задача состоит в том, чтобы усвоить её, истолковать, распространить, осуществить» [30]. Именно эту цель и ставил перед собой автор данной статьи.

Список литературы:

1. Ильин И.А. Наши задачи. – М., 1992. – С. 331.
2. Вьюнов Ю.А. Русский культурный архетип. – М., 2005. – С. 308.
3. Сохряков Ю.И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX – начала XX вв. – М., 2000. – С. 8.
4. Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI – XIX вв. – М., 1991.
5. Замалеев А.Ф. Философская мысль в средневековой Руси (XIX – XVI вв.). – Л., 1987. – С. 133.
6. Голубиная книга: русские народные духовные стихи XI – XIX вв. – М., 1991.
7. Памятники литературы Древней Руси: В 12 т. – М., 1978. – Т. 1. – С. 393.
8. Там же. – С. 413.
9. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. – М., 1984. – С. 436.
10. Шестаков В.П. Эсхатологические мотивы в легенде о граде Китеже // Шестаков В.П. Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры. – М., 1995. – С. 6–32.
11. Чаадаев П.Я. Статьи и письма. – М., 1987. – С. 35, 38-39.
12. Там же. С.133.
13. Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1987.С.151.
14. Там же. – С. 34.
15. Сохряков Ю.И. Национальная идея в русской публицистике. – М., 2000. – С. 9.
16. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. – Т. 1. – М., 1878. – С. 588.
17. Хомяков А.С. Избранные сочинения. – Нью-Йорк, 1955. – С. 266.
18. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. – Т. 18. – С. 37.
19. Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 15 т. – СПб., 1995. – Т. 12. – С. 20.
20. Толстой Л.Н. Анна Каренина. – М., 1982. – С. 687.
21. Соловьёв В.С. Русская идея // Сборник произведений русских мыслителей. – М., 2004. – С. 228.
22. Там же. – С. 238.
23. Там же.
24. Федоров Н.Ф. Философия общего дела. – Т. 1. – Верный, 1906. – С. 314.
25. Федоров Н.Ф. Сочинения. – М., 1994. – С. 288-289.
26. Бердяев Н.А. Душа России // Русская идея. – М., 2004. – С. 317.

27. Ильин И.А. О русской идее. // Русская идея. – М., 2004. – С. 410.
28. Там же. – С. 403.
29. Ильин И.А. О России // Русская идея. – М., 2004. – С. 418, 419, 421.
30. Гулыга А.В. Русская идея и её творцы. – М., 1995. – С. 11.

T. Menshikov

RUSSIAN NATIONAL IDEA IN WORKS OF HOME WRITERS AND THINKERS

Abstract: The paper is devoted to one of the urgent aspects of modern study of the Russian classical literature. The national spirituality as a base of the world outlook of the best clever mans of Russia was manifested in the works of Chaadaev, Khomyakov, Dostoevsky, Tolstoi, Solovyov, Fedorov, Ilyin and many other eminent cultural workers. “Our task is to save and incarnate the stored spiritual experience” is the aim of the author of this paper.

Key words: Russian idea, spirituality, national consciousness